

18+

ЛИДИЯ ГЛАДЫШЕВСКАЯ

Переделкино и его обитатели

ПЬЕСЫ

Лидия Гладышевская

**Переделкино и его
обитатели. Пьесы**

«Издательские решения»

Гладышевская Л.

Переделкино и его обитатели. Пьесы / Л. Гладышевская —
«Издательские решения»,

Цикл исторических пьес, посвященных первым жителям городка
Переделкино — Борису Пастернаку, Корнею Чуковскому, Александру
Фадееву, Андрею Вознесенскому и многим другим выдающимся поэтам
и писателям. О преемственности поколений — от истоков до нынешних дней.

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	6
ПОСЛЕДНИЙ ИЗ УДЭГЕ	9
ГЕФСИМАНСКИЕ САДЫ (предисловие к трилогии)	21
В ТЕНИ ВОЖДЯ (1-я часть трилогии)	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Переделкино и его обитатели Пьесы

Лидия Гладышевская

© Лидия Гладышевская, 2026

ISBN 978-5-0060-6530-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Волею судеб с 1989 года я живу в новостройке — московском «спальном» районе Ново-Переделкино, недалеко от знаменитого и единственного в мире писательского городка. От моего дома, можно сказать, «рукой подать». Легко добраться на автобусе за 5 минут, но я предпочитаю ходить пешком, через лес, чтобы насладиться природой и погрузиться в ауру этого уникального исторического места, где обитали, черпали вдохновение и захоронены выдающиеся литераторы нашей страны.

Идея создания пьес о первых переселенцах и шестидесятниках возникла не сразу. Но погрузившись в архивные данные, многие из которых были засекречены до недавнего времени, прочитав письма, мемуары и другие сохранившиеся документы о физическом и моральном уничтожении писателей и поэтов со стороны тогдашней власти, не могла не написать об их трагических судьбах.

Сегодня в Писательском городке-заповеднике идет большая работа по восстановлению бесценного культурного наследия России — реставрации исторических зданий и коттеджей известных и, увы, почти забытых первых жителей, сбору уникальных экспонатов и сведений, создаются новые музеи и экспозиции для сохранения памяти грядущих поколений.

Выражаю особую благодарность исследователю, экскурсоводу Дома творчества в Переделкино Ксении Жупановой за уточнение некоторых фактов и данных, использованных в пьесах.

Переделкино сегодня

Источники, использованные при создании пьес

Александр Фадеев, «Письма и документы» (из фондов Российского Государственного Архива литературы и искусства)

ISBN 5-7060-0043-3 Издательство Литературный институт им. А. М. Горького, 2001

Александр Нилин, «Переделкино: поверх заборов»

ISBN 978-5-17-152830-0, Издательство АСТ, 2023

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ УДЭГЕ

Одноактная историческая монопьеса (12+).

Диплом Лауреата международного конкурса «МоноЛит-2021».

Использованы подлинные письма и документы из Фонда Российского Государственного архива литературы и искусства.

О чем думает человек, стоящий у последней черты, решивший свести счеты с жизнью — в расцвете сил, но утративший смысл своего существования?

А если это не обыкновенный человек, а талантливый писатель, и не просто писатель, а Генеральный секретарь Союза писателей СССР, главный редактор всех крупных журналов страны Советов, коммунист, борец за идею, воевавший в партизанских отрядах Приморья в Гражданскую войну и военный корреспондент на передовой — в Великую Отечественную?

Его за глаза называли тенью Сталина, пособником и даже палачом.

Но был ли нежный муж и отец семейства, преданный друг, весельчак, балагур, красавец и любимец женщин, верным приспешником Вождя на самом деле?

О причине самоубийства Александра Фадеева до сих пор спорят историки и биографы. Тяжелая болезнь и раздвоение личности, муки совести и неприятие «Хрущевской оттепели», нападки врагов и предательство друзей... или все-таки хронический алкоголизм, приведший к гибели писателя?

С одной стороны писатель был полон творческих планов, которым так и не суждено было сбыться, с другой — осознанно и долго готовил себя к смерти.

А может быть, все факторы слились воедино в час икс, в тот самый роковой день, оказавшийся последним?

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ФАДЕЕВ

13 мая 1956 — Хроника последнего дня

Кабинет Александра Александровича Фадеева на втором этаже дачи в Переделкино. На заднем плане сцены виднеется окно, слева — книжные полки, справа — зеркало. В центре комнаты — большой письменный стол и кресло. На столе: телефон, настольная лампа, старинный подсвечник, пузырьки с таблетками, ворох каких-то бумаг и конвертов, из-под которых чернеет дуло пистолета. На кресле висит линялая гимнастерка бойца Приамурского партизанского отряда. На полу валяются несколько перевернутых стульев, вокруг стола набросаны разорванные клочки бумаги. На стене — большой портрет Иосифа Сталина с черной траурной лентой.

11.00.

Пошатываясь, входит Фадеев с седой всклокоченной головой, в расхристанной полосатой пижаме и шлепанцах на босу ногу. Подмышками — несколько канцелярских папок, в руках — пачки конвертов. Папки вываливаются на пол.

Фадеев собирает папки и с досадой швыряет их на стол, где уже высится гора неразобранных писем. С трудом добредает до рабочего кресла, устало садится и в задумчивости вполоборота смотрит на портрет.

ФАДЕЕВ (*с тоской, вопросительно*). Я — тень? Неужели я по-прежнему — ЕГО тень? (*Встает, подходит к зеркалу, всматривается в свое отражение, затем медленно перемещается вдоль стены к портрету Сталина и останавливается возле него. Неожиданно из-за кулис раздается приглушенный голос самого Фадеева, записанный заранее на пленку*).

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. А разве нет?

(*Фадеев в ужасе отшатывается от портрета*).

ФАДЕЕВ. Ой! Опять?! Опять этот... этот мерзкий голос... (*После паузы, с облегчением*). Фу... Померещилось. После бессонной ночи какой-то странный звон в ушах стоит... (*Снова пристально взглядывается в портрет вождя, произносит трагическим голосом*).

— Три года. Уже три года... А я... А я... Как же я без НЕГО... (*Проводит ладонью по портрету, с грустью читает строчки из стихотворения Александра Твардовского*):

«В этот час величайшей печали
Я тех слов не найду,
Чтоб они до конца выражали
Всенародную нашу беду...»

(*Далее вдруг жестко*). Сашка Твардовский. Иуда. Ну и где теперь эти слова? Потерял или так и не нашел? Нет. Нашел, нашел... только совсем другие... Предатель! Не могу поверить, что Сашка когда-то искренне, в глубокой скорби... мог написать такие волнующие строки о смерти нашего Вождя.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. Предатель? Иуда? Это же твой лучший..., самый верный друг..., фронтовой товарищ. Вспомни, как ты его учил, пестовал, как на передовой перед бойцами лично его «Василия Теркина» читал..., а?

ФАДЕЕВ. Ой! Кажется, снова началось... (*Обхватывая голову руками*). Замолчи, замолчи сейчас же! (*Подходит к столу, находит пузырек с лекарствами и принимает таблетку*). — Да! Да! Читал! А теперь Твардовский — предатель! Слышишь? Он не меня, он дело Партии предал, он нашего Вождя Сталина предал! И вместе со всеми подголосками ОТЦА НАРОДА осудил в своих новых мерзких стишках.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. Вождя? Отца народа? Ха-ха...

ФАДЕЕВ. Да Отца! Отца народа! Мы... Мы благодаря Сталину войну выиграли! Люди с его именем шли под танки! Благодаря ЕМУ (*падает на колени и припадает к портрету*) мы страну после разрухи в кратчайшие сроки восстановили.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС (*со смешком*). Ну вот, и ответ на твой вопрос, кто ты есть на самом деле. Тень и есть тень... тень своего вождя...

ФАДЕЕВ. Но я — не тень! Я — не ЕГО тень! (*Встает с колен и в возбуждении ходит по комнате*).

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. А разве не ты беспрекословно выполнял указания Сталина? Разве не ты исключал своих товарищей из Партии..., из Союза писателей...? И это они, твои бывшие соратники, их несчастные жены и осиротевшие дети дали тебе такое прозвище...

ФАДЕЕВ. Но они все были врагами Народа! А я — солдат и слуга Партии и должен был выполнять приказы нашего Вождя!

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. Ты в этом уверен? А как насчет совести? Мыслить иначе — не означает быть врагом...

ФАДЕЕВ. Закрой рот, сволочь!

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС (*с ехидцей*). Ну уж нет! И не подумаю!

ФАДЕЕВ (*громко, затыкая уши*). Прекрати! Прекрати! Я не собираюсь тебя больше слушать! Кто бы ты ни был! Бог, дьявол или сам Сталин с того света!

(*Тихо, под нос*). Черт, черт! Когда же проклятое лекарство, наконец, подействует...? (*После паузы*). Да! Исключать — исключал! Но я никого не арестовывал и никого не убивал! Слышишь, гад!? (*Потрясает кулаком куда-то вверх, якобы в сторону невидимого собеседника*).

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. Зато ты уничтожал своих собратьев по перу морально. А это еще хуже... Ты лишал их поддержки, опоры, работы, в конце концов, что фактически для них означало лишения жизни... Да, ты был когда-то «Тенью», чудовищной и проклинаемой несчастными людьми «Тенью». И, увы, ею остался.

ФАДЕЕВ. Умолкни! Заткнись, наконец! Я... — Я ... — «Писательский министр», я не мог поступать иначе на своем ответственном посту. Но я делал все что мог, чтобы спасти оклеветанных понапрасну людей. (*С остервенением*). Все, что мог! Все что мог! Слышишь, мерзавец?! Ты не смеешь меня обвинять!

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. Все, что мог? Ты уверен? А сколько еще невинных пострадало, которых ты не захотел или не сумел защитить? Забыл? Хочу тебе еще напомнить про чудесный дом расстрелянного Владимира Зазубрина, который ты, однако, не постеснялся почти сразу же занять...

ФАДЕЕВ. Но я... я... Замолчи, прошу тебя. Я больше не выдержу...

(*Снова подходит к портрету, взглядывается в него, обреченно машет рукой*).

— Неужели я действительно твоя тень, Иосиф? Сколько раз я просил освободить меня от ненавистной должности Генерального секретаря... и всех бесчисленных должностей, на которые ты меня поставил. Что молчишь? Разве не так? (*Снимает портрет и переворачивает лицом к стене*). — Я же — писатель, писатель, а не функционер-чиновник.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС (*со сдержанным смехом*). Хм. Хм. Лицемер. Тебе же самому всегда хотелось быть первым и главным. И ты упивался неограниченной властью над своим же братом-писателем.

ФАДЕЕВ. Нет, нет! Никогда! Да, я солдат и слуга Партии и Народа. Слуга! Но я же и часть этого Народа. И мое призвание — писать для него. И я — писатель! Писатель!

А вместо этого совершал и продолжаю совершать над собой недопустимое..., противозаконное насилие. (*Сбрасывает со стола и пинает в ожесточении канцелярские папки*).

Я каждый день заставляю себя делать то, что я ненавижу! И совсем не то, что является самой лучшей..., нет..., самой сильной стороной моей натуры.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС (*язвительно*). Ой ли? Ты, я вижу, от скромности-то не умрешь...

ФАДЕЕВ. Да. Я не имею право скромничать. Мой художественный талант — не мое личное дело. (*Снова нервно ходит кругами по комнате и повторяет*).

— Да! Я — не только «писательский министр», я — ПИСАТЕЛЬ! ПИСАТЕЛЬ! Писатель, в первую очередь.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. Да какой ты писатель...? Ведь ОН, твой кумир Сталин, сказал, что ты говно, а не писатель... Вот, Чехов — это писатель. Прямо в лицо тебе так и сказал, как плюнул. Помнишь?

ФАДЕЕВ. Замолчи!

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. Что не нравится? Плюнул... Плюнул... Ведь в твоей «Молодой гвардии» не было руководящей линии партии..., как в предыдущем и лучшем романе «Разгром».

И сейчас ты можешь переворачивать в отместку ни в чем не повинный портрет сколько угодно... Ничего от этого не изменится. Говно и есть говно. Говнецо ты, Саша...

ФАДЕЕВ (*с возмущением*). А за что тогда Сталинскую премию дали? За что все мои ордена и награды...? (*Далее с горькой иронией*). — Ну..., пришлось по совету Вождя переделать «молодую» гвардию на «старую» ... Ну и что?

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. Вот, видишь... Переделал, по его указке. Вернее, по приказу! Сталин — не человек, а сатрап! Тиран! Ты ведь сам это понимал, а терпел, терпел и сносил любое унижение.

ФАДЕЕВ. Да, Вождь был крут. Он любого мог в бараний рог скрутить и заставить сделать все, что угодно.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. А-аа. Признаешь все-таки? А скольких людей ОН безвинно в тюрьмах и лагерях сгноил...

ФАДЕЕВ. Да, это ужасно, ужасно...!!! Он — убийца! Душегуб! Злодей! *(Опять возбужденно ходит туда-сюда подле перевернутого портрета, как маятник).*

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. Боюсь, что ты прозрел слишком поздно...

ФАДЕЕВ. Однако... *(Неожиданно останавливается, подходит к столу, где лежит лекарство, и принимает еще одну таблетку).*

— Умершего теперь обвинять легко. А палач Берия..., мой личный враг, и те люди, которые сейчас у власти? Они ведь тоже немало поспособствовали — постоянно лгали, порочили неугодных и невинных, умышленно вводили в заблуждение, пользуясь мнительностью и легкой внушаемостью Вождя... И это они сначала подстрекали, а потом убивали.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС *(саркастически)*. Подстрекали, говоришь? Сталин был чертовски умен. И его было не так-то легко обмануть.

ФАДЕЕВ. Нет! Нет! Это не ОН, а они..., они..., соратники, убивали, выполняя волю ими же обманутого человека. А пока ОТЕЦ НАРОДА был жив, пели ему хвалу и во всем поддерживали, за свою шкуру тряслись. Слова боялись сказать.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. А ты разве не боялся? Хитрил, лукавил, под предлогом болезни отказывался ездить к НЕМУ на дачу. Лжец!

ФАДЕЕВ. Да, хитрил, да, лукавил... Но только чтобы не поддаваться давлению и спасти тех, кого можно было спасти... Однако я никогда не боялся потерять высокую должность и, как мог, ЕМУ противостоял. И я лично, повторяю, никого не убивал. Я — писатель, писатель.

А все эти..., как их... приспешники должны вместе с НИМ нести полную ответственность за содеянное... Вот...

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. Ах вот..., вот как ты заговорил... Осмелел, да?

ФАДЕЕВ *(испуганно озираясь, неуверенно)*. Ой... От них можно ждать еще худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, увлекался поэзией, и даже сам сочинял стихи, а эти — невежды! *(Снова переворачивает портрет и с нежностью проводит по нему ладонью).*

— Да, ОН был прав. Я — говно! Говно, а не писатель! А когда же мне было писать, позвольте спросить? Из-за несусветного количества должностей, я был полжизни! Полжизни! Лишен физической возможности заниматься любимым делом.

Но Сталин при этом меня понимал и хоть на месяц, а творческий отпуск предоставил. ОН один меня поддерживал и ко мне прислушивался. Один! Не то, что эти... нынешние... Твари недоразвитые..., неучи...

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. Так почему же ты по-прежнему держишься за свою должность? Бросай работу! И сиди себе дома — пиши на здоровье на свежем воздухе.

ФАДЕЕВ *(с раздражением)*. Да как же я теперь могу покинуть свой пост! После ЕГО смерти ситуация на культурном фронте ужасная. В литературе и в театре — упадок! *(Хватается за сердце)*. А между тем..., между тем, моего мнения никто давно не спрашивает, мои докладные никто не читает...

После 20-го съезда и публичного осуждения так называемого культа личности я... я, Генеральный секретарь Союза Писателей, стал для них пешкой, канцелярской крысой, простым секретарем! Писарчуком, констатирующим и выполняющим их собственные решения!

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. А, по-моему, ты излишне драматизируешь ситуацию. Театр рождается... Да и в литературе все не так уж и плохо... Многие писатели подняли головы и вздохнули свободно. Эренбург, вот...

ФАДЕЕВ (*возмущенно*). Что?! Лучше уж молчи про Эренбурга... с его пресловутой «Оттепелью» ... Лизоблюд!

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. Ладно... Молчу... А Шолохов?

ФАДЕЕВ. Мишка?! Этот еще хуже. Мы же с ним вместе на фронте... А теперь... Шолохов, великий и могучий Шолохов публикует черти что! Бытовые картинки! Смешит людей! Кажется, будто он пишет для эстрады!

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. А что в этом плохого? Теперь же все можно. Оттепель! И ты тоже попробуй...

ФАДЕЕВ. Как бы ни так! Очень нужно! Не понимаю я Мишку... Ведь сцены с убийством гулящей Лушки Нагульновым в «Поднятой Целине» так сильны и глубоки..., и так трогают читателя. А что теперь...? Тьфу... (*Плюет в сторону*). Не понимаю я Мишку, не понимаю.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. Да, ты просто ревнуешь! Завидуешь его успеху!

ФАДЕЕВ. Еще чего! Разбежался! Да что Шолохов...! Костя Симонов, верный товарищ..., правая рука..., человек, которого я выдвигал и своим заместителем назначил...

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. А чем тебе Костя не угодил?

ФАДЕЕВ. Да он... Он — тоже предатель! Карьерист! (*Достает из стола бутылку водки и наливает немного в стакан*). — В докладной Хрущеву написал, что у меня панические настроения на почве алкоголизма... Гад! (*Подносит стакан ко рту, и тут же отбрасывает. Стакан разбивается со звоном*).

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. Молодец! Правильно! Никакой ты не алкоголик! Две недели продержался и дальше сможешь. А про Симонова, это ты зря так... Он и писатель прекрасный и хотел, как лучше...

ФАДЕЕВ. Да, согласен. Костя — писатель способный. Но человек, который может обращаться со своим сердцем, как с водопроводным краном, который можно отпускать и перекрывать, — это уже не человек...

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. Не человек!? Ты палку-то не перегибай... А лучше на себя посмотри.

ФАДЕЕВ. Да, я пил. И много пил. И грязный в Переделкинской канаве валялся... А пришел к Косте — душу излить, так он меня, старого друга, в своем доме даже не принял... Его сторож, простой работяга, меня помыл и горячим чаем напоил. Вот это — человек! (*Подходит к окну, открывает его настежь и с шумом вытягивает воздух*).

ФАДЕЕВ (*после некоторого молчания, спокойным голосом*).

— Уфф. Ну вот, вроде шум и бубнение в башке отпустило... А все лекарства, лекарства... проклятые... То ли помогают, то ли нет... Никак не пойму. Это я сам с собой что ли... Да..., кажется, подействовало. Слава Богу! (*Крестится*).

— Господи, как здесь в Переделкино все-таки хорошо и привольно. А сосны... Какие сосны... Почти как у нас в Приамурье... Возьму, наконец, у этих..., у «новых», творческий отпуск после больницы и буду, буду писать, черт возьми, глядя на прекрасные сосны. И отсюда — ни шагу. Писатель я или нет?! (*Далее с отвращением*). — Обстановку Володьки Зазубрина, вот только... нужно в доме сменить... Столько лет прошло, а затхлым духом врага народа от нее до сих пор несет... Фу! (*Поднимает и бросает в сторону один из стульев*).

— А все некогда, некогда, некогда... Всю жизнь — по командировкам, да по заседаниям, а любимая жена — по гастролям... Думал, сюда перееду — будет семейное счастье. Вдохновение! Живые мысли, живые чувства писателя... «Последний из Удэге» так и не закончил. Сколько раз... Ведь сколько раз принимался... (*С горечью*). Куда там... Получилось, что не дом у меня, а постоянный двор какой-то — гостиница для временного пребывания. Как когда-то

Горький предлагал построить гостиницу для писателей, так на деле и получилось. *(Достает из стола новый стакан, наливает водку, смотрит из окна во двор и проникновенно произносит):*

— Я поднимаю стакан за одинокую ночь в лесу. За тьму и шепот Бога среди деревьев. Благодарение за мою жизнь, за мое дыхание, за счастье, что я живу этой ночью. Эта тишина, что шепчет мне на ухо, — это кипучая кровь великой природы. Это вечный Бог! Бог, дыханием своим обвевающий мир и меня...

Как тихо... О! Гулко упала сосновая шишка, ударившись о землю... *(После некоторого молчания, мрачно)*. Сосновая шишка упала, гулко ударившись о землю...

(Неожиданно снова доносится внутренний голос).

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. Как тогда..., той ночью... Помнишь? Когда Исаака Бабея арестовали...?

ФАДЕЕВ. Что?! Ты — опять! Замолкни, наконец! *(Подносит стакан к носу, принохивается и разбивает. Гулко хлопает открытое окно и повисает тишина)*.

— О чем это я? Какая ночь? На дворе день-деньской... И солнце светит до рези в глазах. До боли... До боли, словно песка насыпали. Вот черт, снова забыл таблетку принять... Или уже принимал...?

12.00.

Слышится бой часов — двенадцать ударов. Фадеев вздрагивает, закрывает окно, задергивает штору. В полумраке подходит к столу, находит пузырек с лекарством и принимает еще одну таблетку. Включает настольную лампу. Затем идет к книжным полкам, берет в руки одну из книг, прижимает ее к сердцу.

— Мой любимый роман... «Последний из Удэге» ... Почти тринадцать лет над ним бился, да так и издали незаконченным. Думал, после войны вновь засяду... Так нет же... А вот сейчас — самое время. Я — писатель, писатель. *(Бережно кладет книгу на стол. Снимает пиджамную куртку и надевает гимнастерку, висящую на стуле)*.

— Дальний Восток, мой родной Уссурийский край у меня в крови, с детства. *(Далее дерзко, с вызовом!)* И никакой я — не слуга! И не тень! *(Сбрасывает гимнастерку и остается голый по пояс)*. Я — духовный вождь лесных людей, я — Сарл — последний удэ, живущий по законам рода и его общинных уложений. Эге-ге-ге!!! Нет, я — последний из могикиан! Последний представитель вымершего и уничтоженного колонизаторами племени..., нашего ПИСАТЕЛЬСКОГО племени... Последний... *(Снова берет в руки книгу, из которой вываливается конверт. Фадеев наклоняется, поднимает конверт, вытаскивает письмо)*.

— Надо же, сохранилось... В тридцать девятом так и не отправил... *(Читает вслух):*

— Любимая моя Линушка! Голубонька! Ощущение такое, точно мы уже год не виделись. Столько всяких дел и суеты. На даче — чудесно. Солнце, березы, сирень. Мне хочется сейчас же сесть за стол и писать. *(Садится за стол. После паузы)*.

— И так хочется остаться с тобой вдвоем хотя бы на один день, чтобы только тебя и видеть, и слышать. И еще хочется лечь в траву и пролежать одному весь день, глядя в небо.

— И когда же я, наконец, тебя увижу? Без тебя — точно без солнышка. Целую нежно твои черные глазоньки, реснички, все твои родинки и пятнышки. Печальный одинокий заяц. *(Со вздохом роняет письмо на пол)*.

— Печальный... Одинокий... А почему, собственно говоря, заяц? Чего только ни напишешь, когда безумно влюбляешься в женщину. *(Далее лукаво)*.

— Заяц?! Нет, я не заяц. Я — кот. Я — Манула. Да, да, веселый и говорящий Манула! *(Пританцовывает в ритме вальса и кружится по комнате)*.

— Парам. Парам. Парам. Пампам!

(Останавливается возле зеркала. С воодушевлением).

— Небольшая горка, сумерки, стремительный спуск на лыжах, падение, и... вместо зимы — лето..., длинный пушистый хвост, усы и лапы с короткими коготками... Мяу! Мяу! Фыррр! *(Изображает кота, вытягивает вперед руки, будто лапы с когтями).* А вокруг — незнакомый фантастический мир! Мир Ее Величества, где повсюду мешают грозные враги и магические чудовища, а помогают верные друзья. *(Размахивая руками, как при боксе).*

— А для возвращения в реальность милому коту требовалась самая «малость»: объявить о независимости, начать гражданскую войну и, конечно же, победить!

(После некоторого молчания).

— Только не каждому дано выиграть и победить в этой борьбе... Побеждают сильные духом..., с осознанием своей правоты и справедливости... — Да и захочется ли сейчас выдуманному мною Мануле возвращаться в суровую обыденность, к скучной и, по сути, холостяцкой жизни... И остались ли у загнанного звереныша настоящие и верные друзья? А вот, врагов? Врагов похоже, хватает... *(Снова подходит к книжным полкам).*

— Эта сказочная фантазия..., мне тогда казалось..., получилась вроде удачной. А теперь..., теперь — стала пророческой... *(Берет с полки книгу «Мануловы Сказки» и бросает на пол).*

— «Мануловы Сказки»... детские бредни... Ладно... Хватит киснуть!

(Становится напротив зеркала, гордо выпрямляет спину, демонстрирует бицепсы, любуется своей стройной фигурой и осанкой, приглаживает назад растрепанные волосы).

— Манула? Котяра? Какая чушь! Я все еще Пит Джонс! Пит — эсквайр! Эге-ге-ге!!! Вот, мое настоящее прозвище! Хоть голова моя седа, но я по-прежнему красив и молод душой. *(Весело смеется).* — Пятьдесят пять — это всего лишь начало пути для настоящего мужика. *(С хитрецей).* И в меня по-прежнему влюбляются прехорошенькие женщины..., а некоторые... некоторые... так просто без ума... *(Делает несколько энергичных движений руками, приседает).*

— Раз, два, три, четыре. Раз, два, три, четыре. Начинаю новую жизнь... с чистого листа. *(Поет в такт своим движениям)* — Калинка — малинка, малинка моя... Уф... *(Прижимает руку к левому боку).* — Калинка! Уфф... *(Вяло, с отдышкой).* Дистрофия сердечной мышцы, кажется..., кажется, не шутка... Совсем спортивную форму потерял... Врач сказал, что лучше на воздухе упражнения делать. А негде..., кругом чертовы грядки понатыканы... Надо со строжем план переустройства участка обсудить, и их перенести... тем более, что машину с удобствами я вчера заказал..., завтра должны привезти... *(Подходит к окну, открывает форточку и кричит).*

— Чернобай! Зайди ко мне после обеда — переговорить нужно насчет участка! *(Со смехом):*

— Нет, баньку Зазубрина сносить не будем! А вот пустующий скотный двор придется ликвидировать! Слышишь?! *(Закрывает окно и продолжает зарядку уже в медленном темпе. Пытается плавно делать круговые вращательные движения тазом и одновременно напевает приятным задумчивым голосом).*

— По диким степям Забайкалья, где золото моют в горах,
Бродяга судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах... Уфф...

(Начинает покашливать и прекращает упражнение).

— Вот, уже и пить не получается... Нет, не могу больше... Сердце щемит... И как невыносимо хочется выпить, просто выпить водки и все забыть..., все...

(Идет к столу, ставит на место один из стульев, садится, тянет руки к бутылке).

— Нет, нет..., нельзя... Начинаю новую жизнь. С белого листа, все с белого листа... Назад дороги нет. Две недели продержался... Все с чистого листа, с чистого...

13.00

Часы бьют один раз. Фадеев вздрагивает, резко встает, вскрикивает от боли, но, немного отдышавшись, уверенно подходит к телефону, крутит диск.

ФАДЕЕВ (*бодро*). Таня, как ты, сестренка? Как дочка?

— Я...? Да бессонница окаянная замучила...

— Лекарства? Да, принимаю, принимаю... Четыре таблетки перед сном выпил..., но совсем не спал. Врачи говорят, что нужно каждый час ... (*С тревогой в голосе*).

— Да и как тут уснуть..., Таня? Ты же знаешь, положение на литературном фронте катастрофическое. Лозунги? Какие лозунги, Таня! А меня никто не хочет услышать..., ни на Верху, ни любимая женушка, ни даже ты... сестра родная... Сколько писем и докладных о реформах руководству отправил... все без толку. Всю ночь сидел, как дурак, готовился к очередному выступлению... на Пленуме... Ни черта не написал, а потом с утра сам с собой разговаривал чуть не 2 часа, спорил о чем-то..., пока таблетки не принял.

— Молодец? Да какой-там... молодец... Говорю тебе, ни черта не смог написать... А вчера Маршак, этот злой, но дивный старик, которого я обожаю, вместе с Погодиным опять мне всю душу разбередили...

— Из-за чего? Да из-за Сашки Твардовского, будь он неладен. И зачем я только в Москву поехал... и с нашими миротворцами-мудрецами встречался...? Тоже мне третейские судьи нашлись... Но скажи, разве я был не прав по отношению к этому предателю? (*Жестко*).

— Нет, Таня. Ни о каком примирении с АТэ и речи быть не может.

— Да, ты не ослышалась — именно с АТэ. Другого обращения он не заслуживает. Я больше не могу его видеть и терпеть. И приезжать вместе с ним не надо! Слышишь? Не смей! Разрыв с АТэ Твардовским был неизбежен, о чем я уже его уведомил в своем официальном письме. И точка...

— Нет, это моя принципиальная позиция истинного коммуниста...

— Аааа... И ты туда же!? Защитница... Ой-ой... Сняли бедняжку Александра Трифоновича с редакторства «Нового мира»... И что?! Так АТэ другого и не заслуживает...

— Нет, мое личное отношение к Сашке здесь ни при чем. Я люблю его по-прежнему, как младшего брата. Ну, ладно... все. Разговор окончен. Пока.

(В раздражении кладет трубку на рычаг. Тут же раздается звонок. Фадеев снимает трубку).

— Ну зачем ты опять звонишь, Таня?! Я же сказал, что своего решения не изменю.

— Что? Что ты говоришь? Плохо слышно!

— Ааа... Просто узнать, где Линушка? Так любимая супруга, Ангелина Осиповна Степанова, изволит пребывать на очередных гастролях. На этот раз в Белграде вместе со своим МХАТом. Живем, как чужие, почти не видимся...

— Продукты? Нет, ничего не нужно, все есть. Спасибо.

— Да, да. Мы с Мишей вчера на дачу приехали. И о нас с больным сыном здесь есть кому позаботиться. Не беспокойся. Домработница кормит, как на убой. Только вот что-то кушать не хочется, кусок в горло не лезет.

— Что? Надо больше лежать?! Да не могу я тупо лежать, как бревно, и смотреть в потолок. (*Далее возбужденно*). И я не могу не писать! Моя голова распухла от мыслей и идей. Я должен их выплеснуть наружу. Я — писатель! Писатель!

— Что? (*дует в трубку*). Говорю, моя «Черная металлургия», наконец, после трехлетнего перерыва сдвинулась с места...

— Какая металлургия? Мой новый роман о простых советских людях-тружениках. Ага. Я так боялся за первые 2 листа. В них частная..., ну..., понимаешь, интимная жизнь молодой

рабочей семьи описана... Сначала стеснялся, думал убрать, даже с Костей Фединым советовался, нашим соседям — Тamarочке и Всеволоду Ивановым показывал. И они..., представляешь, все прочитали и одобрили. А мне лично, черт побери, — просто нравится. Посмотришь? Давай, приезжай! Надеюсь, и тебе, да и Линушке, когда вернется, тоже понравится... (*Косится на портрет Сталина, вдруг с сомнением*).

— А вот ОН, наверное бы, не одобрил...

— Что? О ком я говорю? Да, о НЕМ! О ком же еще?! И ОН один меня по..по... нимал, если хо... хо..чешь знать.

— Почему опять заплетается язык?

— Нет, я не пил. Я же сказал — не спал всю ночь... (*Возмущенно*). — Но ты же прекрасно знаешь, что я — не алкоголик! И моему, порой бе-беспробудному п-пьянству была и есть тысяча причин. Меня изматывает чиновничья работа, которую я не-ненавижу! Мои доводы никто не слушает, я б-больше ничего не могу. Я, бывший всесильный п-писательский министр, не могу п-помочь людям, которым раньше помогал в меру своих в-возможностей... И главное — мне по-прежнему не дают писать! Все мои б-болезни от этого. Если я не буду писать, я в 55 лет стану ра-развалиной... или сопьюсь, к че-чертовой матери. Только за-запой и спасает!

— К черту все ваши ле-лекарства! К черту! (*Вешает трубку*).

14.00

Доносится бой часов- 2 удара.

ФАДЕЕВ (*печально*). Ну вот... Уже 2 часа. И опять ничего не сделал. (*Выпивает еще одну таблетку*).

— Так..., тогда надо..., надо, пожалуй, все здесь хотя бы в порядок привести. Раз уж решил... Что тут у нас в первую очередь...? (*Начинает сортировать разбросанные письма и раскладывать по разным сторонам стола*).

— Так, копии старых писем сюда... Жданову..., Молотову..., В ЦК КПСС..., Сталину..., в Главную военную прокуратуру..., в Комитет народного контроля... Это все я...

— Ага... Вот эти... тоже сюда. (*Берет одно из писем, садится в кресло и негромко читает*).

— Товарищ Берия! Я знаю Марианну Герасимову с весны 1925. У меня нет никаких сомнений, что поводом к ее аресту могла послужить только чья-либо грязная клевета или наветы врагов народа.

Я прошу Вас лично вмешаться в разбор дела. Уверен, что в основе его лежат трюки нечестных людей, пытающихся опорочить честного большевика. (*Откладывает письмо в сторону*).

— Так... Заболоцкому... (*Начинает читать*).

— Дорогой Николай Алексеевич. Рад, что вы вернулись из лагерей... и вы — наконец, дома... в Переделкино. Ваша книга — в общем хороша. По поводу двух-трех стихотворений есть серьезные возражения. И вообще, хотелось бы поговорить... (*С тоской*).

— Да... Хотелось бы поговорить... А не с кем... (*Читает очередное письмо*).

— Товарищу Вышинскому. В Ленинграде в исключительно тяжелых материальных и жилищных условиях живет известная поэтесса Ахматова, которая при всем несоответствии ее поэтического дарования нашему времени, была и остается крупнейшим поэтом. Очень прошу вашего вмешательства и соответствующего нажима на Ленинградский совет о выделении ей комнаты вне всякой очереди. (*Вздыхает и принимается читать другое письмо*):

— **Товарищ Цветаева!**

В отношении ваших архивов постараюсь что-нибудь узнать и что-нибудь сделать. Но достать Вам в Москве комнату абсолютно невозможно. У нас большая группа очень хороших писателей и поэтов, нуждающихся в жилплощади. И мы годами не можем им достать ни одного метра. *(Бросает письмо на пол).*

— Так..., что тут еще осталось из моих писем... Ага, вот... Симонову.

— **Дорогой Костя! Дочитал Пастернака, сборник кончается совершенно пошло-эротическим стихом Ахматовского толка. Если не поздно — тираж задержать. Твой А. Ф. (Эсквайр).**

(Обхватывает в отчаянии голову руками).

— Сволочь я последняя, а не эсквайр... Я так виноват перед Борисом. *(Выключает лампу. Зажигает свечу, смотрит на пламя, качает головой, и с чувством читает строки из стихотворения Пастернака):*

«Свеча горела на столе,
Свеча горела.
На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья».

— Лучше и сказать нельзя. Настоящая поэзия. Хочется читать и читать... И невозможно остановиться. И как я мог..., как я мог... такое Симонову написать... *(Рвет в клочки копию письма и задувает свечу. Снова включает лампу).*

— Что тут еще осталось...? *(Перебирает письма)* — А! Это все тоже можно в помойку отправить. *(Разрывает оставшиеся письма на мелкие кусочки, разбрасывает по полу и переходит на другой конец стола, где лежат отсортированные письма в адрес Фадеева).*

— Так... А это все мне... Ну что же..., кажется, все разложил... С Самуилом Яковлевичем, считай, вчера лично уже попрощался... С теми, кто мне дорог тоже..., у милой Эсфири Шуб, верной подруги и соратницы, был одиннадцатого... с пятничным визитом... Кажется все... почти все... О! Вот еще... парочка писем в мой адрес... *(Берет со стола одно из писем и зачитывает).*

— **Ты всем нам нужен, даже тем из нас, кто не просит ни квартиры, ни ссуды, ни премии... Александр Твардовский».**

— Ну, Сашка. Ну, Иуда... Я, оказывается, ему еще нужен... А вот мне не нужны твои запоздалые признания и извинения *(отшвыривает это письмо на пол, и читает последнее).*

— **Вы были так добры, так отзывчивы, как никто за эти страшные годы... Дело моего сына решается в понедельник... я умоляю Вас, если можно еще чем-нибудь помочь... Мне кажется, что я семь лет стою над открытой могилой, где корчится мой, еще живой сын... Ахматова.**

(Фадеев в бессилии садится на стул).

— Милая, дорогая, родная моя Анна Андреевна... Я же сделал для бедного Левушки Гумилева все, что мог. Но я больше ничего не могу. Они все думают, что я могу. А я..., я ничего не могу... Я больше не всесильный...

(Бросает и это письмо на пол. С раздражением перебирает пузырьки с лекарствами на столе).

— Где этот чертов нембутал...? *(Принимает судорожно несколько таблеток сразу).* — Голова после бессонной ночи и этой наркоты, именуемой лекарством, раскалывается... раскалывается надвое. *(С силой сжимает лоб руками. Потом встает и подходит к зеркалу).*

15.00

Слышится бой часов — три удара.

ФАДЕЕВ. Три часа... уже три часа (*С надрывом, глядя на свое отражение*). Трудно жить, Юра, с окровавленными руками. Трудно. Совесть мучает. Лучшие писатели страны физически истреблены...

Не могу больше. Не могу. Была последняя надежда хоть сказать это людям, которые правят..., но в течение 3-х лет, несмотря на мои просьбы, меня там, Наверху, не могут принять... Меня никто даже не хочет, не хочет услышать!

А ты меня слышишь, Либединский? (*Тычет пальцем в зеркало*). Что ты на меня так смотришь? Я сделал все, чтобы тебя оправдали... Ой! Какое у тебя страшное и зловещее лицо. И какие безумные глаза и расширенные зрачки... Или ты тоже мне больше не друг, Юра? Юра! Юра! Юра!!! Слышишь? Все меня оставили... Все предали...

(*Размахивается и с силой бьет кулаком по зеркалу. Раздается голос домработницы Ландышевой*).

ГОЛОС ЛАНДЫШЕВОЙ (*громко*). Что вы там разбили, Саша? Александр Александрович, слышите? Спускайтесь вниз — обедать пора!

ФАДЕЕВ (*отзывается невозмутимым голосом*). Обедайте без меня, мне еще поработать с полчаса нужно! Хочу новую главу «Черной металлургии» закончить...

ГОЛОС ЛАНДЫШЕВОЙ (*громко*). Ну, какая работа в воскресенье? От завтрака отказались... Ангелина Осиповна ругать будет... Скажет, голодом уморила, не досмотрела...

— Мишенька, детка, сходи за отцом..., он тебя послушает.

ФАДЕЕВ. Ну..., хорошо, хорошо... через десять минут приду. (*Усаживается за письменный стол, с ожесточением рвет оставшиеся бумаги. Обрывки разлетаются по комнате. Берет чистый лист и начинает писать*).

ФАДЕЕВ (*медленно произносит вслух написанное*). В ЦК КПСС. 13 мая тысяча девятьсот пятьдесят шестого года. (*Далее безысходно*). Хм... Тринадцатого... тринадцатого... мая... Видимо, перст судьбы... А его арестовали двумя днями позже..., тоже в мае..., только в тридцать девятом... Арестовали здесь, в этом самом доме... В этой самой комнате... и забрали все рукописи...

(*За кулисами вдруг снова слышится внутренний голос Фадеева*).

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. Нет... Нет... Что ты говоришь...? Бред. Бред. Это же было не здесь, а в соседнем доме... И это же не ты Бабеля арестовывал. Не ты... Опомнись!

ФАДЕЕВ (*с испугом*). — А вчера ночью вдруг увидел Володьку Зазубрина... Летел на помеле вокруг дома, как Хома Брут... (*Истерически хохочет*).

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. А зачем ты у Ивановых накануне Гоголя читал? Перевозбудился просто... Успокойся, Саша...

ФАДЕЕВ. Да... Привидится же такое... А все наркота проклятая... Голова разламывается... в глазах двоится... (*Продолжает дальше писать и одновременно произносит*):

— Я не вижу возможности дальше жить... (*Вскакивает в сильном волнении и снова садится*).

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. Трус! Трус! А не ты ли всегда утверждал, что жизнь — это борьба! Ты же — Победитель! Ты — озорной Манула! Ты — Последний из Удэге!

ФАДЕЕВ. Нет! (*Продолжает писать, тихо, сокрушенно*). — **Я не вижу возможности дальше жить..., так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено... загублено самоуверенно-невежественным руководством партии.** (*Далее уже сильно зевая от воздействия большого количества принятого лекарства*).

— Жизнь моя..., как писателя, теряет всякий смысл, и я с пре-ве-ликой..., с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного су-щест-во-ва-ния, где на тебя обрушивается подлость..., ложь и клевета, ухожу из жизни.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС. Не делай этого! Не делай! Твой «корабль» еще в пути! Еще в пути!

ФАДЕЕВ (*слабым голосом*). Я ухожу... Ухожу... Я сам. Я сам должен исполнить приговор... Пока проклятые лекарства не убили... (*Подносит револьвер к груди*).

— Прощай, Линушка. Помни: счастье — это сама жизнь. Иного на земле не ищи...

Слышится приглушенный хлопок, будто упал стул. Тело полубожаженного Фадеева медленно сползает на пол. Свет гаснет.

ГЕФСИМАНСКИЕ САДЫ (предисловие к трилогии)

Цикл пьес «Гефсиманские сады» посвящен трагическим судьбам первых жителей писательского городка «Переделкино», построенного по указанию Иосифа Сталина в 1935 году для создания благоприятных условий работы и творчества выдающимся литераторам на лоне прекрасной природы Подмосковья.

С одной стороны — благословенная Земля, освященная христианской церковью, с другой — историческое место, издревле предназначенное для ссылки опальных и преступников со времен Ивана Грозного.

Спустя столетия «Гефсимания» становится еще и местом репрессий, арестов и гибели десятков ни в чем неповинных писателей и поэтов, объявленных врагами народа в довоенные годы, и подвергшихся дальнейшим преследованиям также и после разоблачения культа личности Сталина.

Произведение состоит из трех частей, объединенных общей темой преемственности поколений литераторов, проживавших в городке.

Каждая часть может быть использована для постановки как отдельная сценическая пьеса.

В ТЕНИ ВОЖДЯ (1-я часть трилогии)

пьеса (12+)

Одноактная драма, 4 мужские роли и 1 женская

Действие пьесы разворачивается с 1935 по 1956 год в «Переделкино» — райском уголке Подмосковья, специально предназначенном для отдыха и творчества самых знаменитых писателей и поэтов страны.

В числе первых поселенцев, удостоившихся особой чести получения дачи от государства, находится Борис Пастернак, позже присоединяется Корней Чуковский. Они сами с удовольствием осваивают участки, сажают плодовые деревья, делают овощные грядки.

Но счастье на лоне природы длится недолго. Вскоре под надуманным предлогом в поселке начинаются первые репрессии литераторов, неугодных власти. А через год появляется новый сосед — Александр Фадеев, Генеральный секретарь Союза писателей, занявший освободившуюся дачу расстрелянного писателя Владимира Зазубрина.

Жители городка воспринимают любимца Вождя с опаской, считают его причастным к продолжающимся арестам и дают ему негласное прозвище «Тень Сталина». Отношения соседей складываются непросто. Они ссорятся и мирятся, враждуют и отгораживаются друг от друга высокими заборами в прямом и переносном смысле.

Однако смерть Фадеева в спокойное, послевоенное время Хрущевской оттепели, становится для близких, друзей и недругов настоящим шоком, хотя каждый воспринимает самоубийство по-своему, и кто-то винит в случившемся себя.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ФАДЕЕВ

БОРИС ЛЕОНИДОВИЧ ПАСТЕРНАК

КОРНЕЙ ИВАНОВИЧ ЧУКОВСКИЙ

АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ ТВАРДОВСКИЙ

АНГЕЛИНА ИОСИФОВНА СТЕПАНОВА, жена Фадеева

КАРТИНА 1 (Вводная, 13 мая 1956)

Кабинет Александра Александровича Фадеева на втором этаже дачи в Переделкино. На заднем плане сцены — виднеется окно, слева от окна — книжные полки, справа — зеркало. В центре располагаются большой письменный стол и кресло. На столе: телефон, настольная лампа, пузырьки с таблетками, ворох бумаг и конвертов. На полу вокруг стола набросаны разорванные клочки бумаги, валяются несколько перевернутых стульев.

Появляется Фадеев, голый по пояс, слегка пошатываясь. С трудом добредает до стола... Немного отдышавшись, делает несколько энергичных движений руками, приседает.

ФАДЕЕВ (неожиданно бодро). Раз, два, три, четыре. Раз, два, три, четыре. Начинаю новую жизнь... с чистого листа. Уф... (Хватается за сердце).

ФАДЕЕВ (вяло, с отдышкой). Уфф. Совсем спортивную форму потерял. Врач сказал после больницы на воздухе упражнения делать. А негде... (Открывает форточку и кричит):

ФАДЕЕВ. Чернобай! Чернобай! Хватит дрыхнуть, сторож! День деньской! Зайди ко мне после обеда — переговорить нужно насчет переустройства участка. (Со смехом). — Нет, баньку бывшего владельца Зазубрина переносить не будем... (Закрывает окно и продолжает делать зарядку, пытается бегать вокруг стола).

ФАДЕЕВ. Раз, два, три, четыре. Раз, два, три, четыре. С белого листа, все с белого листа..., незапятнанного. Нет, не могу больше... Сердце щемит...

(Ставит на место один из стульев и на него устало падает, Отдышавшись звонит по телефону).

ФАДЕЕВ *(с показной уверенностью)*. Таня, привет! Как ты, сестренка? Как дочка? Я...? Да бессонница окаянная замучила... Лекарства? Да, принимаю, принимаю... Четыре таблетки перед сном выпил..., но совсем не спал. *(Далее с неподдельной тревогой в голосе)*.

— Да и как тут уснуть...? Положение на культурном фронте ужасное, особенно на литературном. Но меня никто не хочет услышать. Сколько писем и докладных о реформах руководству отправил... все без толку. Что говорить, если даже любимая жена не понимает...

А вчера Маршак вместе с Погодиным мне всю душу разбередили из-за Твардовского. Зачем я только в Москву поехал и с ними встречался...? Но разве я был не прав? *(Далее жестко)*.

— Нет, Таня. Ни о каком примирении Александром Трифоновичем Твардовским и речи быть не может. Слышишь? Разрыв с ним был неизбежен. Нет, это моя принципиальная позиция истинного коммуниста..., Ааа... и ты туда же!? Нет, мое личное отношение к Саше здесь ни при чем. Я люблю его по-прежнему, как младшего брата. Ну, ладно... пока.

(Кладет трубку на рычаг).

ФАДЕЕВ *(в задумчивости)*. Ну что же... С Самуилом Яковлевичем, считай, вчера попрощался... С теми, кто дорог моему сердцу, тоже... Кажется все... или почти все... Надо бы бедлам в кабинете разобрать, а неохота. *(Берет со стола одно из писем и читает вслух)*:

ФАДЕЕВ *(с некоторой злобой)*. **«Ты всем нам нужен, даже тем из нас, кто не просит ни квартиры, ни ссуды, ни премии... Александр Твардовский».** *(С горькой обидой)*. — Скажите, пожалуйста... Оказывается, я им еще нужен... Иуда... Ты предал не меня, а наши идеалы, ты дело партии предал! А вот мне не нужны твои запоздалые признания и извинения *(швыряет письмо на пол, берет еще одно и зачитывает)*:

ФАДЕЕВ *(проникновенно)*. **«Вы были так добры, так отзывчивы, как никто за эти страшные годы... Дело моего сына решается в понедельник... я умоляю Вас, если можно еще чем-нибудь помочь... Мне кажется, что я семь лет стою над открытой могилой, где корчится мой, еще живой сын. Ахматова»**

(С горечью). — Я сделал для бедного Левушки Гумилева все, что мог. Но я больше ничего не могу. Они все думают, что я могу. А я, бывший всесильный писательский министр, ничего не могу... Ничего... *(бросает и это письмо на пол)*.

ФАДЕЕВ *(разволновавшись, с раздражением перебирая пузырьки с лекарствами на столе)*. Где этот чертов нембутал...? *(Принимает судорожно несколько таблеток)*. — Голова после бессонной ночи раскалывается... просто раскалывается надвое.

(Обхватывает голову руками. Потом встает и в нервном возбуждении ходит по комнате. Снова подходит к зеркалу).

ФАДЕЕВ *(с надрывом, глядя на свое отражение)*. Трудно жить, Юрка, с окровавленными руками. Трудно. Совесть мучает. Лучшие писатели страны физически истреблены... Не могу больше. Не могу. Была последняя надежда хоть сказать это людям, которые сейчас правят..., но в течение 3-х лет, несмотря на мои просьбы, меня там, Наверху, не могут принять... Меня никто не хочет, даже не хочет услышать!

А ты меня слышишь, Либединский? *(Тычет пальцем в зеркало)*. Что ты на меня так смотришь? Какое у тебя страшное и зловещее лицо. И какие у тебя безумные глаза и расширенные зрачки... Или ты тоже мне больше не друг, Юрка? Слышишь, Юрка? Все меня оставили... Все предали... Даже ты...

(Размахивается и с силой бьет кулаком по зеркалу. Потом усаживается за письменный стол, с ожесточением рвет бумагу. Обрывки разлетаются по комнате. Берет чистый лист и начинает писать).

ФАДЕЕВ *(медленно произносит вслух написанное)*. В ЦК КПСС. 13 мая тысяча девятьсот пятьдесят шестого года. *(Далее обреченно)*.

Я не вижу возможности дальше жить *(Вскакивает в сильном волнении и снова садится)*. — Я не вижу возможности дальше жить..., так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено... загублено самоуверенно-невежественным руководством партии. *(Уже сильно зевая от воздействия лекарства)*.

Жизнь моя, как писателя теряет всякий смысл, и я с пре-ве-ликой радостью, как избавление от этого гнусного су-щест-во-ва-ния, где на тебя обрушивается подлость, ложь и клевета, ухожу из жизни.

(Далее слабым голосом).

Я ухожу..., ухожу...

Неожиданно вытаскивает револьвер из-под бумаг и подносит к груди. Слышится приглушенный хлопок выстрела. Свет гаснет.

КАРТИНА 2 (февраль 1939 года)

Вечер. Кабинет Александра Александровича Фадеева на втором этаже дачи в Переделкино. На заднем плане сцены — виднеется окно, слева — книжные полки, справа — зеркало. Вдоль стен кабинета рядом стоят стулья, будто приготовленные для заседания.

Входит статный Фадеев в узком черном пальто, с фибровым чемоданом в одной руке и связкой книг — в другой. Ставит вещи на пол. Зажигает свет. Осматривается.

ФАДЕЕВ *(с восхищением)*. Как здесь все-таки хорошо, просторно после нашей комнаты в коммуналке. И привольно. *(Подходит к окну и его открывает)*. — А воздух, какой воздух... А сосны... Какие сосны... Возьму, наконец, творческий отпуск и буду, буду писать, черт возьми. И отсюда ни шагу. Писатель я или нет?! *(Далее жестко)*. — Обстановку зазубринскую, вот только нужно сменить. Почти два года прошло, а затхлым духом врага народа от нее до сих пор несет...

(Появляются Корней Чуковский и Борис Пастернак. Оба в простой рабочей одежде — телогрейках и посконных штанах).

ЧУКОВСКИЙ. Здравствуйте, Александр Александрович.

ФАДЕЕВ. Здравствуйте, здравствуйте. Можно просто Саша, по-соседски.

ЧУКОВСКИЙ. А мы, вот, с Борисом Леонидовичем к вам решили заглянуть — поздравить с новой высокой должностью... и с новосельем одновременно. Да полгода застать не можем... Вы все в разъездах, в разъездах *(далее лукаво)* — или пропадаете неизвестно где...

ФАДЕЕВ. Да... вот... Весь прошлый год мотался по городам и весям — то в Приморье, то в Ленинград, то в Уфу. В Чехословакии на Сокольском съезде по заданию руководства даже успел побывать. Какое уж тут новоселье...? Мне вас и угостить-то нечем... Я только-только из очередной командировки прибыл. *(Шутливо)*. — Голодный..., как собака.

(С легкой грустью). — И накормить некому... Хозяйка-то моя — Линушка — вечно по гастролям. Скоро забуду, как любимая молодая жена выглядит. А без хозяйки, сами знаете, какое новоселье... Да, вы раздевайтесь и присаживайтесь, присаживайтесь. Где-то тут у меня бутылочка винца, кажется, заблудилась...

ПАСТЕРНАК. Что вы, что вы, Александр Александрович. Не беспокойтесь. Мы на минутку. С Корнеем Ивановичем мимо проходили — видим свет на втором этаже горит.

Калитка настежь. Дверь распахнута. Вас подолгу не бывает... Решили проверить, не случилось ли чего.

(Фадеев сбрасывает пальто, под которым обнаруживается линялая военная гимнастерка приморского партизанского отряда, вытаскивает из ящика письменного стола три граненых стакана и бутылку вина).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.